

ТЭФФИ

Надежда Тэффи
Два романа с иностранцами

«Public Domain»

1946

Тэффи Н.

Два романа с иностранцами / Н. Тэффи — «Public Domain»,
1946

«Все это было так неожиданно, так дико, что я... Я не знаю, что со мной
сделалось. Я лишилась сознания. Долго ли я пролежала – не знаю, но когда
открыла глаза, вижу – стоит около меня мосье Ружо и с большим интересом
читает это самое проклятое письмо. А я хочу встать – и не могу. У меня
отнялись ноги...»

Содержание

Надежда Тэффи

Два романа с иностранцами

Были тихие сумерки.

По стене бегали огни автомобилей, вскрикивали их гудки, звякал трамвай. Острым буравчиком сверлил ухо призывный звонок соседнего кино.

И все-таки для тех двух женщин, которые сидели, поджав ноги, на колченогом диванчике, сумерки эти были тихими, потому что день со всеми его тревогами и заботами кончился и в эти два-три часа перед сном можно позволить себе ни о чем не думать и не беспокоиться.

В такие тихие сумерки разговор ведется душевный. Шагать по полутемной комнате неудобно, надо сидеть спокойно. От спокойной позы и мысли делаются сосредоточеннее, не скачут с предмета на предмет. Самые привычные вралы теряют свое вдохновение, становятся проще и искреннее.

Молодежь в такие минуты охотно говорит о смерти. Люди постарше – о любви. Старики – о разных приятных надеждах.

Те две дамы, которые поджали ноги на колченогом диванчике, были уже не первой молодости и поэтому говорили о любви.

– Нет, теперь все для меня кончено, – сказала одна.

Если бы в комнате было светлее, мы увидели бы, что у нее очень усталое лицо, погасшие глаза, и плечи ее закутаны в серый пуховый платок, всегда чуть-чуть разодранный на плече, уютный, пахнущий духами и папиросами, словом – традиционный платок русской скорбящей женщины!

– Не преувеличивай, Наташа, – ответила другая. – Ты еще молода. Кто знает.

– Молода? – с горьким смешком сказала Наташа. – Нет, милая моя, после того, что я пережила, я себя чувствую семидесятилетней. Сама виновата. Не надо было изменять памяти Гриши.

– А сколько же лет ты была за Гришей?

– Лет? Лет! Пять недель. Познакомились перед самой эвакуацией. Сразу и повенчались. А через пять недель он выступил в поход. Больше мы и не встретились. Он был очень мил.

– Ну, на пять-то недель всякого бы хватило.

– Н-не знаю. Н-не думаю, – обиженным тоном сказала Наташа.

– А что, собственно говоря, у тебя вышло с этим твоим женихом-французом? Я ведь толком ничего не знаю. Мы тогда встречались редко, когда он за тобой ухаживал. А потом слышу – свадьба расстроилась. Что, он разлюбил тебя, что ли?

– Нет-нет. Он говорит, что не разлюбил. Родители не позволили. Впрочем, это очень сложная история, – вздохнула Наташа.

– Моя история была тоже очень сложная, однако я не вздыхаю, а хохочу. Ты стрелялась? Отравлялась?

– Нет, что ты, грех какой!

– Вот видишь! А еще вздыхаешь. А я вот даже отравлялась, а как вспомню, так от смеха не удержаться. Ну до того хорошо, до того хорошо!

– Чего же тут хорошего, если отравилась?

– В этом-то, конечно, хорошего мало. Очень тошнило. Но именно оттого, что отравлялась, все так смешно получилось. Ну да я потом расскажу. Сначала ты.

– Ладно. Только с чего начать... Ну вот, как ты уже знаешь, работала я у модистки и познакомилась с мадам Ружо, с Мари. Очень она была милая. Мы подружились и затеяли открыть вместе магазин. Муж у нее тоже был славный, инженер. Дело у нас пошло довольно недурно. Мы с этой Мари были прямо неразлучны. Днем в мастерской и в магазинчике, вече-

ром в синема или играем в карты. Я у них и обедала, чтобы не вести своего хозяйства. И вот, бывал у них довольно часто сослуживец самого Ружо, мосье Эмиль. И вот, короче говоря, влюбился в меня этот Эмиль до зарезу. Он мне сначала не особенно нравился, так, казался пустыньким, банальным типом. Но потом, понемножку, начал он меня интересовать. Виделись чуть не каждый день, и он так настойчиво, так пламенно и так восторженно выражал всячески свою любовь, что я невольно стала относиться к нему внимательнее.

– Вот, вот, вот! Именно! Именно, – перебила слушательница.

– Что «именно»? – удивилась рассказчица.

– Нет, ничего, это я так.

– Ну так вот, стала я относиться к нему внимательнее. А тут Мари подливает масла в огонь: «Повр¹ Эмиль! Умирает, мол, повр Эмиль. И такой чудный человек, и состоятельный, а ты одинокая, кто о тебе позаботится, выходи за повр Эмиля». А Эмиль каждый вечер после обеда настоятельно требует брака. И эта настоятельность стала меня трогать. Он начал мне нравиться.

– Вот-вот! – перебила слушательница.

– Что такое «вот»? Чего ты все пищишь?

– Ничего, ничего, это я так.

– Муж Мари тоже очень меня уговаривает. И, представь себе, стала я замечать, что этот самый Эмиль начинает мне очень даже нравиться. Но все-таки на брак решиться еще не могла. Хотелось проверить и себя, и его. Вернее, только себя, потому что в нем сомневаться было бы прямо смешно. И страдает, и блаженствует, и черт его знает что – прямо какая-то смесь Ромео с Джульеттой. Долго я его томила, наконец сказала: «Мне кажется, что я смогу вас полюбить». Так он – ты представить себе не можешь! – прямо плакал. Он от восторга кинулся целовать Мари. Меня не смел, так ее. И смешно, и трогательно. И тут же решил выписать в Париж родителей, чтобы познакомить меня. Муж Мари объяснил мне, что родители у него состоятельные, и он хотел непременно жениться с их одобрения.

– И вечно они с этими родителями! – перебила слушательница и тут же прибавила: – Ничего, это я так.

– Родители у Эмиля оказались премилые, такие какие-то старинные, трогательные, особенно мать. Она меня сразу заобожала. Целые дни были мы вместе. То она у нас в магазинчике сидит, то я у нее. Такая душевная была, такая чуткая, так все понимала. И ей понравилось, что я не сразу дала Эмилю согласие, что хотела сначала проверить и себя, и его. Словом, такая была милочка, что я прямо в нее влюбилась и даже прослезилась, когда она уехала. Расставались ненадолго, потому что через месяц она обещала приехать на свадьбу. Мой Эмиль ликовал, сиял и прямо исходил восторгом. Мои милые Ружо не нарадовались на нас. Мари помогала мне в свадебных хлопотах, делала подарки и была счастлива моим счастьем.

И вот однажды, в один проклятый прекрасный день сидели мы вдвоем с мосье Ружо, ждали Мари к завтраку. Я зашла к ней в спальню попудриться и вижу – на столе шкатулочка. Шкатулочка приоткрыта и торчит из нее письмо. Бумажка синяя, такая, как у Эмиля. Почерк тоже как будто Эмиля. Невольно взглянула и вижу – действительно его почерк. Конечно, это меня ничуть не удивило, потому что они старые знакомые, почему бы ему и не написать ей. Но как на грех в той строчке, которая была мне отчетливо видна, стояло мое имя: «Бедненькая Наташа», – прочла я и заинтересовалась. Почему я вдруг «бедненькая»? Любопытство погубило Еву. Я потянула письмо за уголок, вытянула и прочла. Сначала одну эту фразу про «бедненькую Наташу», потом все письмо. Письмо было такого содержания, что сомнений никаких оставить не могло. Этот самый «повр Эмиль», безумно и счастливо влюбленный жених,

¹ Бедный (от фр. pauvre).

с этой самой милой моей подругой Мари только что развели самый определенный романчик под самым моим носом. Романчик был совсем свеженький, длился всего дней десять.

«Будь осторожна, – просил мой нежный жених, – чтобы бедненькая Наташа, которую я так люблю, не огорчалась нашей связью».

Все это было так неожиданно, так дико, что я... Я не знаю, что со мной сделалось. Я лишилась сознания. Долго ли я пролежала – не знаю, но когда открыла глаза, вижу – стоит около меня мосье Ружо и с большим интересом читает это самое проклятое письмо. А я хочу встать – и не могу. У меня отнялись ноги.

Он прочел, покрутил головой.

– Милочка, – говорит, – как вы меня испугали. Это с вами часто так бывает, что вы в обморок падаете?

А я кричу:

– Отдайте, отдайте мне это письмо! Не смейте его читать!

А он брови поднял, удивляется:

– Так это, – говорит, – вы из-за такого пустяка в обморок падаете?

Обнял меня, поднял, усадил на диван, гладит по голове, целует. А я разливаюсь, плачу. Как теперь жить? Все рухнуло.

А он смеется.

– Пустяки, – говорит. – Посердитесь немножко, это полезно, а потом забудьте.

А я возмущаюсь:

– И это говорите вы. Ведь он же с вашей, с вашей женой мне изменил!

А он машет рукой.

– Ну и тем лучше. Он вам изменил с моей женой, а вы ему измените со мной. Вот всем и будет хорошо.

Я тут как заору, в полной истерике. И бежать.

Дома заперлась, целую неделю не выходила. Письма всем написала. Эмилю отказ, Мари упрек, Ружо проклятие. Но главное письмо – старухе, Эмилевой матери. Все ей объяснила и сердечно и трогательно с ней попрощалась. Ответа от нее не получила.

Через неделю пришлось все-таки пойти в магазин. Нельзя. Дела. Встретились мы с Мари странно. Она с легкой насмешечкой, точно я зря надурила. Понемножку разговорила меня. Бросила вскользь, что Эмиль стреляться хотел, что вообще так разумные женщины не поступают, что нельзя падать в обморок с компрометирующим письмом в руках, что это даже непорядочно, но что она меня любит и поэтому прощает причиненные ей неприятности, но что, конечно, после моего (моего!) ужасного поступка прежней дружбы между нами быть не может. Потом появился Эмиль. Он рыдал, бился об стенку головой, сначала затылком, потом лбом. Я была неумолима. Но, увы, недолго! Он как-то сумел меня убедить. Я простила. Все как будто снова наладилось, но тут пришло письмо от его матери. Письмо было адресовано ему, потому что с такой женщиной, как я, ей не о чем и разговаривать.

В письме к сыну она категорически запрещала ему на мне жениться, потому что если я способна поднять такую историю из-за пустяков, то что же будет дальше? Что это будет за жизнь? «Она вечно будет валяться в обмороках и компрометировать своих приятельниц – всеми уважаемых женщин».

Эмиль был очень грустен. Говорил, что он рассчитывает на смягчающее влияние времени. Мать передумает. Но пока мать передумывала, он женился на другой.

– Вот и все? – спросила слушательница. – Ну, мой роман был гораздо забавнее. Вот я его тебе расскажу. Я расскажу, только очень уж все это глупо. Если бы в комнате было светло, так мне на тебя и взглянуть было бы стыдно.

– Ничего. Мы с тобой старые приятельницы. Лампы я не зажгу. Посумерничаем еще немножко. Ну-с? С кем же у тебя был роман? Тоже с французом?

- Нет. Ни за что не угадаешь. С румыном!
- Ну и угораздило же тебя! Неужели влюбилась?
- Еще как! Прямо трагедия. Ха-ха-ха!
- Трагедия, а хохочешь, – удивлялась приятельница. – Или это у тебя истерика?
- Ах, милочка, если бы ты знала, до чего смешно! Ведь я отравлялась.
- Чего же тут смешного?

Если бы в комнате было светло, мы увидели бы, что та, которая отравлялась, была толстенькая брюнетка с живыми черными выпуклыми глазами, в аккуратных завитушечках, в дешевом, но модном платьице, подмазанная, подщипанная, подглаженная, спокойная и довольная. Увидели бы и подумали бы: «Врет! Такие не травятся».

– Чего же тут смешного? – удивлялась приятельница. – Если отравлялась, очевидно, страдала.

- Еще как! Ха-ха-ха! Тем-то и смешно, что страдала.
- Ну так расскажи. Вместе посмеемся, – иронически сказала приятельница.
- Ну-с, так вот, милая моя. Работала я тогда в институте де ботэ² у мадам Ферфлюх.

Работали мы хорошо. А дело это, знаете ли вы, очень психологическое. Вы думаете, так просто: помазала, потерла, да и готово. Нет, милая моя, этого далеко не достаточно. Особенно если клиентка пожилая, с разными сердечными разочарованиями. Тут необходим душевный разговор. Еще пока ей брови щиплешь, тут можно и молчать, потому что ей больно, она кричит. Когда поры чистишь, тоже момент, к разговору не располагающий. Дело, так сказать, почти что медицинское. Ну а когда до самой ботэ дойдешь – крем, лосьон, краски, пудры, – тут у каждой женщины душа открывается. И почему это так – откровенно говоря, не могу себе объяснить, но только это факт, и можете справиться у любой массажистки по части лица. Прямо иногда диву даешься, что они, эти клиентки, рассказывают! Казалось бы, под пыткой такого не расскажешь. Если бы я все записывала, так прямо романов на несколько томов хватило бы. Да еще каких!

И вот, была у меня одна клиентка, довольно молчаливая. Я грешным делом думала, что она просто от старости молчит.

Маленькая была старушонка, шупленькая, носик востренький, щечки подтянуты и к вискам пришиты, а из-под подбородка кожица за ушами прищиплена. Хорошая была клиентка, на чаевые не скупилась. Платила, впрочем, не сама – за нее лакей расплачивался. Как сеанс кончен, лакей подходил, заворачивал ее в шубу и относил в автомобиль. Прямо на руках. Уж очень она уставала. Лежит, бывало, я ей ресницы подклеиваю, а она рот приоткрывает – черный рот, страшный, щеки обтянутые – и захрапит. Засыпала от усталости. Очень утомительную жизнь вела. Визиты, примерки, чай, обеды, концерты, спорт. Да, да – спорт. Ездил в гольф играть. Подумать только! В такие годы и такую муку на себя брала.

И вот как-то явилась она в совсем особом настроении. Подвинченная какая-то, улыбается, жантильничает. Заказала всяких кремов и красок – едет в Америку.

И вдруг, совершенно неожиданно, хватает меня за руку.

– Милочка! – говорит. – Если бы вы знали, как мне не хочется уезжать! Именно теперь. Но муж требует, чтобы я сейчас же приехала. Какие-то дела. Наверное, все пустяки. А мне сейчас хочется остаться здесь. Вы меня понимаете?

Ну конечно, такую клиентку всегда полагается понимать.

Я вздохнула и говорю:

– О, как я понимаю!

А что такое надо понимать, хоть убейте, не знаю.

А она прямо затрепетала.

² Институте красоты (от фр. Institute de beauté).

– Я, – говорит, – познакомилась с ним два дня тому назад и решила пригласить его вести мои здешние дела. Ах, если бы вы знали! Если бы вы только знали! Это не какой-нибудь мальчишка из дансинга. Это само благородство. Это ум! Это сердце! Это брюнет. И я не успела даже сговориться с ним насчет его обязанностей, как вот приходится бросать все и спешно ехать. Но я вернусь, я скоро вернусь.

И не успела она излить мне свою душу, как в нашу кабинку постучали и сказали, что клиентку мою хочет видеть какой-то мосье Пьер.

Она даже задохнулась.

– Это он! – шепчет. – Это он!

И вошел в комнату молодой человек, довольно красивый, только какой-то весь чересчур. Понимаете? Чересчур бел, чересчур румян, малиновые губки, волосы черные аж досиня, брови круглые – прямо какая-то малороссийская писанка. Но все-таки красивый. Страшно любезный. Привез старухе какие-то билеты от какой-то дамы. Был на дому, узнал, что она здесь, а так как дело спешное, то разрешил себе, и так далее.

Старуха моя так и завибрировала.

Он ее под ручку ухватил и умчал.

Ну, умчал и умчал – мне-то что.

Но вот дня через два является этот самый Пьер и прямо ко мне. Извиняется очень почтительно и спрашивает, не забыла ли здесь мадам Вуд свои перчатки.

– Разве, – спрашиваю, – она не уехала?

– Нет, – говорит, – она на другое же утро уехала и вот поручила узнать насчет перчаток.

Я велела шассеру поискать, спросить в кассе.

А мосье Пьер смотрит на меня и так странно улыбается.

– Вам, – говорит, – наверное, ужасно здесь скучно, при вашей исключительной внешности.

Я приняла достойный вид.

– Ничуть, – говорю. – Я очень люблю работать.

А он опять:

– При такой постоянной усталости необходимо развлекаться, иначе можно совершенно перегрузить нервы. Может быть, – говорит, – разрешите зайти за вами насчет кинематографа.

Я согласилась, однако с большим достоинством.

Он страшно обрадовался и кричит шассеру:

– Перчаток не ищите, я их уже нашел.

Тут я поняла, что он все это выдумал, чтобы меня повидать.

Признаюсь – очень меня это зацепило. Вот, думаю, возвращается человек в таком пышном американском кругу и вдруг так на мою внешность реагировал.

Ну и пошло, и пошло.

Стал у меня бывать. И все, как говорится, «любите ли вы меня, да любите ли вы меня».

Я, по нашей русской манере, ни да ни нет, полна загадочности, хоть ты издыхай.

Он совсем истомился.

– Елена, – говорит, – вы святая. Вы святая Елена, и я погибну, как Бонапарт.

Месяца два проманежила я его, наконец говорю:

– Скорее да, чем нет.

Он, конечно, совсем обезумел.

– В таком случае, – говорит, – разрешите принести пирожных.

Принес, да по рассеянности сам все и съел.

И между прочим выяснилось, что фамилия его – трудно поверить! – Курицу. Может быть, по-румынски это и очень шикарно. Может быть, по-румынски это Мусин-Пушкин-Шаховской и Гагарин. Почему мы знаем. Конечно, ужасно, но я так влюбилась, что и Курицу проглотила.

А он стал напирать на брак. Вот тут мне мысль о Курицу показалась невеселой, ну да уж не до того было.

Занимался он комиссионными делами. Зарабатывал, кажется, недурно. Впрочем, относительно этого ничего толком не знаю.

А он уж приходит настоящим женихом и даже сделал мне подарочек самого семейного духа. Подарил мне электрический утюжок. Очень мило. Мы его всегда вместе в передней в шкафчик прятали.

Так все, значит, идет к своему блаженному концу. И вот как-то, вспоминая нашу первую встречу, говорю я ему:

– А по-моему, Пьеруша, эта старая ведьма была в вас влюблена, и были у нее на вас особые цели.

Он от негодования даже покраснел:

– С чего вы это взяли? Вы все это выдумали.

Я ему рассказала, как она мне о ком-то намекала, с кем только что познакомилась.

Он очень подробно расспрашивал, видимо, очень был возмущен моим предположением. Я старалась шуткой загладить неприятное впечатление, но он стал какой-то рассеянный, задумчивый, очевидно, сильно на меня обиделся. И, представь себе, с того самого случая словно что-то надломилось. Стал реже бывать, о свадьбе молчит. А я, как часто в таких случаях бывает, тут-то и уцепилась. Словно он мне проволокой зуб зацепил – чем дальше тянет, тем мне больнее. Чего я только не делала – и равнодушие на себя напускала, и плакала, и цыганские романсы пела. Нет. Ничего не берет. Отходит от меня мой Курицу. Извелась я вконец.

Вернулась моя американка, пришла красоту наводить.

Веселая. Подарила сто франков.

Я говорю нашим:

– Старуха-то наша что-то распрыгалась.

А хозяйка смеется.

– У нее, – говорит, – жиголо. Тот румяный, что к ней сюда перед отъездом прибежал. Я их в автомобиле постоянно встречаю и два раза в ресторане видела.

Я еле часы свои досидела, еле домой приплелась. Написала ему: «Когда прочтете эти строки, приходите, и я сама, молча, скажу вам „прощай“».

Послала пневматичкой, а сама достала баночку крысиного яду, накатала пилюлек и проглотила. Реву и глотаю. И жизни не жалко. Придет – думаю – и поймет, что значит «молча, скажу вам „прощай“».

И дрянь же этот крысиный яд. Целые сутки наизнанку меня выворачивало. А он, подлец, пришел только через несколько дней. Сидел в профиль, плел какую-то ерунду, что его родители не любят женатых детей. Я разливалась – плакала.

Потом встал, сказал, что мой образ всегда будет перед его духовными очами, но что он слишком благороден, чтобы сделать меня несчастной, подвергнув мести его родителей.

Ушел эффектно, закрыв глаза рукой.

Я распахнула окно и стала ждать. Как только выйдет из подъезда – выброшусь на мостовую. Вот. Пусть.

А он что-то замешкался в передней. Слышу – скрипнул шкафчик. Что бы это могло значить? Входная дверь щелкнула. Ушел! Но что же он такое делал? Почему открывал шкафчик?

Я бросаюсь в переднюю. Открываю шкафчик... Милые мои! Ведь это... ведь это повторить невозможно! Он свой утюжок унес! Утю-жо-ок!

Веришь ли, я прямо на пол села. До того хохотала, до того хохотала, и так мне легко стало, и так хорошо.

– Господи, – говорю, – до чего же чудесно на Твоем свете жить! Вот и теперь, как вспомнила, ха-ха-ха, как вспомнила, то, наверное, до утра прохохочу. Утюжок! Утю-жо-ок! Я бы бахнула на мостовую, череп вдребезги, а у него в руках утюжо-ок! Картина!

Эх, милая моя, такое в жизни бывает, что и нарочно не выдумаешь.